

ЗАБАВНАЯ МЫСЛЬ

попытайся расслабиться... — это голос диктора. понять это легко: голос диктора - это твой голос. он раздается внутри твоей головы и неотличим по звучанию от твоего собственного... если можно употребить слово “звучание” когда речь идет о происходящем *внутри* головы. можно поклясться, что голос *звучит*, и звучит *твоим* голосом, если, конечно, забыть, что для распространения волн, которыми является звук, необходимо открытое пространство, которого внутри головы нет, а есть только кусок раздраженной галлюцинирующей плоти, в осклизких волокнах которой бродит что-то недопустимое и недоступное. сквозь сизую непроницаемость доносится отдаленный грохот, металлический гвалт, чем отдаленнее, тем невыносимее; приходится вслушиваться. это вслушивание длится неопределенное время, растягивая сознание как жевательную резинку. разум спускается в усилие как в сон.

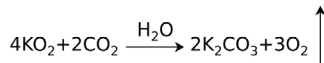
попытайся расслабиться — предложил неуловимо знакомый голос, прервав напряжение, как провод перерезал. он прозвучал внутри головы и был неотличим от того голоса, что жил там всегда... да только это был другой голос. чужой. голубоватая вспышка пронеслась по заволоченному толстым ковром пыли небу, высветив острова особо густых скоплений газа. как голос мог разразиться внутри головы — этой кишки, проглотившей костяную коробку и залитой электрической слизью? можно ли это объяснить другим способом, кроме как признать, что *звучащее* в голове — только иллюзия... стало быть, если мысли *звучат*, — а они звучат! — то доверять им нельзя. не доверять ни своим, ни сколь угодно чужеродным, потому как *звучат*.

попытайся расслабиться... кожа покрылась мурашками, будто прошедшее время оплело ее и сморщило под своей взопревшей чешуей: голос звучал внутри

этой плоти всегда, расшатывая и расширяя ее своей вибрацией. имела ли место вибрация? могла ли она все это время подобно излучению стачивать тело? или она — галлюцинация, как и все тело целиком.

попытайся
расслабиться... мысли стали медленнее, перестали ловить себя за хвост. прозрачная змея времени все эти годы текла вперед оставаясь на месте и лишь растягивая иллюзию. она могла бы так течь столетиями, делая обман поистине нескончаемым, если бы тело могло это выдержать. но тело не может. вибрация разложила б его... если б вибрация имела место.

попытайся сосредоточиться.
потребовались силы (еще б знать откуда они взялись), чтобы обнаружить, что зрение отсутствует. только одномерное пространство, скорее бесконечно отсутствующее, нежели черное, уводящее в поток, как сворачивающийся клубок нитей, спутывая существование. и смутное небо, и облака пыли и тяжелых газов (вместе с самой тяжестью), и голубоватые вспышки, — все это ощущается, подобно времени или гравитации. да, вибрация могла иметь место, ведь тело проходимо: стеклышко вошедшее в кончик пальца долго будет блуждать по протяженности тела, пока не закончит свой путь преломившись в зрачке или прорубцевав почку. таким же образом звучал голос, рубцую мышцы и сворачивая всякие телесные жидкости. проходимость тела — это и главная его проблема: постоянно проходит то, что вредит и в конце концов становится причиной того, что тело само приобретает стремление проходить в другие тела, то есть разлагается. дело в том, что такие механические свойства как жесткость, прочность на разрыв и тому подобные, полностью зависят от взаимного расположения, запутанности молекул, поэтому для окончания репирательства о принадлежности звучащего голоса необходимо решить вопрос перекрестных связей. особенно на этой планете. кажущиеся липкими желтые пленки облаков — это горячий пероксид, — над телом дрожащим здесь на ветру, как деревце расколотое молнией:

выше пояса ощущения распыляются в высоком желтом пламени: ни рук, ни груди, ни тем более головы не ощутить. как можно подтвердить догадку, если нельзя взглянуть своими глазами?... мысли об этом проходят не заняв сознание, которое снова спускается в клубок распушившихся нитей. когда в столбе

пламени стало проявляться то, что прежде ощущалось как главный (или наиболее уязвимый) отросток тела, со всеми этими мыслями внутри... но ведь точно известно, что в том объекте, который *здесь* представляется головой, разумеется никаких мыслей нет. допустим мысли и набиты в *голову*, но *голова* находится не *здесь*, это известно! голова находится на планете — припомни... — земля, — верно! — в *центре атлетизма*, висит, как ей привычно, над телом, подключенным к экрану Меркурия и регистрирует ощущения, которые *ты* — или *то*, что находится *здесь*, на (или, может, точнее в...?) Меркурии, — разыскиваешь, отделившись от своей головы, от всего тела, но мысли... мысли звучат. в иные моменты можно сказать: *то, что* *здесь* дрожит на ветру — это только звучание. может ли звучание мыслить? способно ли нечто только звучащее, не являющееся ничем, кроме звучания, вынашивать и рождать мысль? может мысль — паразит, которому безразлично к чему прикрепляться, хоть к голове, хоть к звучанию, лишь бы найти пространство, в котором достаточно этой особой протяженности, в которой мысль могла бы произойти?... так что когда в столбе пламени стало проявляться то, что именовалось головой, стало уже совсем непонятно, что тут было прежде другого и не по контуру ли этого странного, почти неощутимого пространства, за которым охотится мысль, вычерчивается голова? может, голова проявляется *здесь* по контуру очерченному памятью, не привыкшей будто бы к звучанию мыслей в отсутствии приглушающей их подушки плоти в наволочке из кости. если на этой планете присутствует хоть какая-то атмосфера, то мыслям есть где разбежаться, но как бы они могли прозвучать в вакууме? упе!

— атмосфера сорвана и разбита, как плод познания и мысли растворяются во времени, которое открывшийся космос всасывает со скоростью света, так что остается только омерзительный звук покидающего тело воздуха, подобный моментальному остекленению, а затем вода вскипает на кончике языка и —

сквозь темноту просвечивается
вспоминание:

вода пенится на дне широкой алюминиевой раковины. это раковина в уборной кафе на первом этаже отеля *только для женщин*, где почти все постоялицы — двадцати-тридцатилетние дочери богатых родителей сколотивших себе состояние во время большого бума атлетизма. родители местных барышень из тех, кто считает что акне придумала природа ради целомудрия и во имя принципа телегонии. все эти девушки собирались учиться на элитных курсах при ближайшем

прославленном центре атлетизма, который назывался — вылетело из головы, — то ли *звучащая ртуть*, то ли *забавная мысль*, но, разумеется, не атлетизму (который оставлен нравственным уродкам), а финансам, менеджменту, связям с общественностью, короче говоря, все это была будущая обслуга ц.а.

могло ли когда-то это тело, поливающее перегревшуюся на трехсуточном марафоне голову толстой струей ледяной воды в этом отеле, который — *вот удивительно!* — его до сих пор не выплюнул, стать одним из греющихся в солярии на крыше и красящих ногти кварцем титана тел? в любом случае эта возможность давно утекла у него меж ног, как менструация, растекающаяся бурым пятном ощущения ледяной воды сквозь спутавшиеся бритвы волос на дно раковины, и там — в глазах, — пенящаяся и гремящая. когда-то эти глаза были прозрачными, то есть могли пропускать свет, теперь же залиты этим бурым пятном — *непроходящим доступом*.

слепота приходит и отступает, но временно. иногда помогают такие механические воздействия как полить голову ледяной водой (или просто выпасться, что, конечно, наиболее фантастично), но любой врач скажет, что слепота — удел всякого атлета и офтальмолог тут не поможет: *с глазами все в порядке, ваш мозг забывает как воспринимать информацию передаваемую посредством света*, привыкший к потреблению информации по-меркуриански: напрямую, с серверов живых нейронов, добытых из мозгов крысиных зародышей. утешить врач может лишь тем, что атлетам обычно недолго приходится страдать от слепоты: через короткое время наступает *статус* и вот ты уже вечный колонист Меркурия, запертый в пространстве воображаемого до тех пор, пока тело не отключат от системы жизнеобеспечения и оно не сгниет за ненадобностью. зеркало над раковиной кажется искривленным, оно бликует и уводит лицо вправо и вверх. вода стучит об алюминиевое дно и нужно как-то выбираться отсюда. интересно как тот русский космонавт, забытый в космосе, когда страна развалилась в очередной раз? что с ним стало? как в том фильме про аэропорт и еще одного русского, которому приходится мыться в раковине терминала, потому что он не может вернуться в страну, которой больше нет. полупрозрачный космонавт танцует на дне раковины в пенящейся воде. повернуть краны. русского космонавта со свистом всасывает слив. прощай, русский космонавт.

терминал в котором заточено сознание еще покачивается на издали идущих волнах воображаемого так, что зеркало

с легкостью выскользнуло из поля зрения. затем оглушительный удар — открылась щекотка, и, как вздувшаяся полуживая рыба, тело медленно вливается в тамбур между уборной и кафе, с зеркалами во всю стену и рядом умывальников, замирает перед своим отражением, вяло смакуя пульсацию в висках. из ближайшей туалетной комнаты выходит рослая девушка с соломенными волосами, красными как голое мясо высокими скулами, титаническим подбородком и такой же походкой направляется к умывальнику запрокинув голову и выкатив большую белую каплю слюны между вытянувшимся вверх колодцем губ, а затем выпускает ее в раковину. льняная клетчатая рубашка цвета голубого леса и выцветшие коротковатые джинсы, истертые в паху, заляпанные каким-то жиром и чуть ли не мазутом. она встала у зеркала, медленно и дико закрутив глазами, будто осознавая себя, а через какое-то время склонилась над раковинкой, пустила воду и яростно трет лицо мокрыми ладонями. вновь подняв лицо к зеркалу она наконец заметила, что на нее все это время беззастенчиво и бессмысленно пялятся, лицо ее приняло такое выражение, будто она оценивает ситуацию: глаза моментально поумнели, как у лесного животного, слышавшего звук. смотря на нее, почувствовала себя словно лезвие ножа, холодной, как сбрызнутой водой, протрезвевшей. наконец она гулко, будто из слива умывальника, произнесла: — *слышала о новом блоке ощущений?* в ответ нервно мотнула головой в стороны и робко ответствовала: — *нет.* — странная вещь. она снова опустила голову к умывальнику и обдала лицо еще порцией холодной воды, затем пристально посмотрела через зеркало прямо в глаза: — они хотят видеть тебя.

вверх по лестнице, слишком крутой, стены красные и твердые, но проваливаются под нажатием, как кровавые сугробы, чтобы затем вернуться к прежней форме: полые, мягкие, дышащие сосуды, за которыми раздаются голоса: *она осталась там, под крыльцом, где умер пес. я так никогда и не залез туда, я боялся... там все и сгнило, я думаю. но я никогда не был там.* ступенька, за ней другая, шаг, еще шаг, тошнота подталкивается к горлу поднятым вверх коленом при каждой попытке преодолеть новую ступень. *я никогда не был там...* дыхание перехватывает и грудная клетка сжимается тугим кольцом вокруг позвоночника. *кто вас впустил сюда?!* — после серии оглушительных ударов каблучков о края ступеней эти слова произносит женщина в омерзительно-сером костюме. она шурится — приглаждается. *это вы? приходите.* — приглашающе отводит руку назад, как дешевый метрдотель в самой отдаленной провинции. лицо у нее такое же омерзительное, щербатое, пятнистое, — кажется, что она недавно откинулась и христианская ассоциация помощи заключенным отправила ее охранять этот отель. скорее

всего все еще хуже. тошнота не отступает.

проходите. садитесь.

вы курите? отлично. сразу к делу... их четверо: похожи на жаб вылезших из пруда половить комаров. жадные влажные глаза ворочаются, как плесневые луны. — во сколько вы покинули Мерк? — в восемь — где? — в парке. — там вы и встретились с ней? — нет. — она изъявила желание? — только на словах — она была уставшей? (вопросительно уставилась на интервьюерок) следы усталости?... — нет. не думаю... у нее адекватная оценка происходящего. — сделало ли случившееся ее более жестокой? — нет... более алчной, в некотором смысле. если вы понимаете... они одобрительно кивают, склоняются друг к другу, перешептываются. затем, словно единый организм собравшийся с силами, желудок подавивший урчание: — но вы ведь почувствовали ее силу? — вы хотите знать испуг или желание? и в ответ на выразившееся в их лицах сомнение: — иначе ответы не последовали бы! — сколько ампул она взяла с собой? — две. — сколько вы приняли? — половину. все есть в отчете. — да. конечно. ... вы собираетесь встретиться вновь? — только ради этого? — что вы имеете в виду? — явно заинтересованы, хотя и пытаются это скрыть, — так вы собираетесь встретиться вновь? — мне кажется проще уже передать этот блок заказчику... — не утруждайте себя объяснениями что нам делать с вашим блоком. — работа завершена, удачно или нет. — ваша работа уникальна! — не удержалась одна из них, — но, заказчик считает, что она не закончена... — поэтому-то мы и хотим вас снова нанять! — поддержала ее другая. тут-то и начала кое о чем смутно догадываться: — вы из забавной мысли? они, то ли удивленно, то ли несколько смутившись отвечают утвердительно. затем все увереннее кивают головами, словно на хорошо смазанных шарнирах...

еще немного мимо этих красных пористых стен — будто кривое зеркало из комнаты смеха провалилось в фаллопиевы трубы, — на этот раз не к узкой винтовой лестнице, сдавливающей и накручивающей тревогу, а к лифту (так посоветовала членка комиссии: *спуститесь обратно на лифте. ждем окончательного пакета через три дня, так?*). однако заходить в лифт страшно, будто он может превратиться во что-то еще... или в конце концов упасть. все ведь падает! если не подлежит такому контролю, какой обеспечивает Меркурий. наивно и думать, мол, что-то не учтено! в конце концов, если контроль осуществляют, значит это у них получается. у кого? у менеджмента? с другой стороны стеклянного лифта небольшое существо вроде собаки или большого черного зайца... куда это оно?

черный ход к соляриям, доносятся голоса. искусственный водоем среди кабинок, в нем плещутся перламутровые и платиновые арованы: их вылавливают и бросают на гриль. несколько рыбачек лениво спорят развалившись на бережку, поджав ноги на прохладной глине. *очевидно, этому не научить. что же, ее вызывают? возможно, но я в это не очень верю. разве что всколыхнуть ее осадок...* немного помолчав пожевывая синтетический камыш: мне тоже захотелось... погреться перед сном. обновления вообще не должно было быть! — грубо перебила. но, по правде, кому это надо? время разработки, ремонт... настоящий интерес корпорации лежит за гранью потакания богатым ублюдкам играющим в больших чувственных боссов. ты права, Меркурий — это одно место для атлетов, другое для акционеров и нечто совершенно иное для менеджмента. просвети меня, каковы же настоящие интересы менеджмента? много мне толку от такой поддержки? нихера. что касается... (редкие, мимолетные свидетели, наверное, догадаются), то я их прошу обождать: наш менеджер — просто пизда с яичниками полными лжи.

под тревожную музыку экран гаснет, предусмотрительно для рекламной паузы, но через секунду загорается снова на том же такте:

— *есть кое-что, что тебе стоит знать о новом блоке. ты уже слышала?* — я думала, он еще не доработан. — действительно... так говорят в компании. черное существо снова появилось поблизости, теперь его можно разглядеть. под его лоснящейся гладкой шерстью кажется растут какие-то наросты, как крылья, они перетекают ему в бока и дальше — в передние лапы или в мощный поток шеи венчаемый почти неразличимым пятном бульдожьей головы. оно тяжело, но очень ровно дышит, как пневматический механизм. приглядевшись к пульсирующему пятну, разглядела на его левой, чуть возвышающейся стороне движущиеся маленькие белые пятнышки и розовые чуть побольше. когда пригляделась к пятнышкам, они разбежались в стороны, а зверя и след простыл. перед глазами открылась еще одна узкая лестница устланная красным ковром, но не такая высокая: она обозримо кончается в черном прямоугольнике мрака. всего несколько шагов: красный коврик закончился и здесь, над лестницей, на полу лежит простой пастозный линолеум. отодвинула прочь занавеску темноты, но по движению руки все стало этой занавеской, так что придется либо вернуться, либо продвигаться не глядя. через пару минут медленного хода сквозь мрак раздались глухие шаги с неизведанной стороны. замерла. шаги эхом разбивались о стеклянные внутренности сознания. освещенная неясными всполохами, будто идущими из нее, появилась старуха в сером

халате заляпанном темными пятнами. уверенно, словно ориентировалась в темноте как летучая мышь, она приблизилась вплотную, так что ее лицо засияло внутренним электричеством (взгляд вязнул в глубоких старушачьих морщинах как в зыбучих песках) и она с широкой заговорщической улыбкой прошипела: *она думает будь у нее другая жизнь она была бы счастлива!* старуха проглотила смех, тяжело сглотнула и пошла дальше в том же направлении. еще какое-то время слышались ее шаги.

темнота собирается в глазах и под веками как вишневая кровь и чем больше ее, тем легче видеть то, что вокруг. другое дело, что вокруг одни только обломки: раковины свернутые наutilusами и расколотые на части, ошметки раздробленных панцирей, глиняные черепки, шелуха сброшенных крылышек, пластиковые дощечки и клубочки. тьмы все больше. она скользит легко и мягко, как паутина, теряя цвет, становясь никакой и обнажая холодные камни, гладкие как кусочки льда, медленно ворочающиеся где-то как глазные яблоки, постоянно, как воронки от разрывов. и тут все это становится потоком, подобным трубе с бесконечно тонкими стенками, истонченность которых делает восприятие столь прочным, сколь невыносимым для самого себя. ничего не вижу! — вырвалось со стоном. что ты там возишься? — грубый голос то ли в темноте снаружи, то ли внутри головы. голос вдруг повеселел: ладно тебе, слеподрочка! найдешь себе еще слепого дrouchуна, они наследуют землю. не смотря на веселость, голос грубый... и скорее не доносится из тьмы снаружи, а *звучит* сквозь тьму внутри. только как он может *звучать* внутри? так. *какая будет следующая мысль?* — эй! что с тобой? — ослепла! ослепла! — чепуха! кто тебе такое сказал? — диктор. диктор. (то ли ответ, то ли зов). — с твоим зрением все в порядке. это *твой мозг* забывает как видеть привычным образом...

сознание варится в собственном соку, накручивается и слипается своими несоединимыми ламелями. сок пузырится не находя выхода и вся конструкция стонет

ты смуглая. возле уголка левого глаза у тебя родинка. как пыль, присевшая отдохнуть на маленькое, продолговатое лицо. попытайся расслабиться. как от порыва ветра покрывало слепоты распахнулось и на миг мелькнуло лицо говорящей. на миг — мелькнуло и сразу же снова скрылось. курган, насыпь, в которой скрыта россыпь зеркал. во время ливня одно из них, вымытое дождем, отразило молнию, а через мгновение его снова залило грязью. — препараты! нужны препараты! — голос вырывается нечленораздельным

хрипом, больше похожим на животную агонию. — какие препараты? — к-к-кломипрамин. — не нужны тебе никакие препараты, не дури. лучше выпей это. — рот и ноздри обжигает жидкость. — ну? лучше? сейчас станет лучше. посмотри на меня.

посмотри на меня. омерзительные кусочки пищи отмытые от мрака. река... *пусть разлагается.* река пусть разлагается стоит впереди безвидным лицом избеганным пульсирующими венами и испещренное бороздами тяжело коснувшейся его ряби. мне кажется я делаю все, чтобы не начинать день с утра — сейчас уже почти ночь — хорошо. ; слабые голоса. борозды тяжело касавшегося усилия. не получается открыть глаза — зачем? — чтобы увидеть тебя — кажется ты и так можешь увидеть... — можно представить — представь. темнота

это твой мозг. это твой мозг —

это мозг. да. да. это *мозг*

проясняется. чужие соломенные волосы почти касаются кожи и щекочут. зеленая клетка. лен. скулы. влажные губы. посмотри на меня. — вижу. улыбается: — хорошо. — где это? — во чреве левиафана! — смеется, — отель "*климат*". — ах!...

в голове просветлело. хороший вопрос. как *в голове* могло *просветлеть*? этот ослепительный свет, который ни с чем нельзя спутать. все освещающий свет. как ему родиться в сплошной плотной массе осклизкого вещества, серого и белого? как сияние просочилось через костяную шкатулку, когда известно, что если можно в нее что-либо положить, так только смерть или безумие? все высветил сияющий свет. что — все? мозги? зеленеющее как труп будущее? вялое, тягостное и липкое настоящее? все это могло быть здесь освещено — осветилось. ... СВЕТ! СВЕТ! спокойный, умиротворяющий как лезвие очищенного от отражений зеркала свет. что ты — сияющее? слетевшая с орбиты звезда отягощенная животным любопытством? что-то тяжелое... что может источать... внутри головы как голос. сияющий белый становится блекло-желтым к скалам несомый потоками голоса тут и там в мозгах закручивающегося бурунами. удар. свет резко накреняется и уходит под воду. слышны крики, затем наступает абсолютная тишина

черные кубы. они становятся кроватью, стучащим о рельсы вагоном поезда или лошадьё. я тоже становится кубом, однажды когда всякие остатки свечения

рассеиваются посреди темноты открывается удивительно отличающийся от нее красный огонек, так, будто кто-то выкрутил контрастность до максимума. затаившись она произносит на выдохе: *долго же ты отходишь*. ну понятно, слыхала про блок, который ты сделала. удивительно что вообще отходишь. — комиссия сочла, что он не закончен. что нужно его закончить. — ну что бы тебе там не наплели в комиссии, вряд ли тебя кто-то к нему подпустит. это больше не твои ощущения. — что это значит? — слыхала, что это особенный блок. ты ощутила что-то *совершенно особое*. — за это ведь и платят. — ну нет, малышка, за такое уже не платят, а изолируют. для них, зуб даю, удивительно что ты еще не в статусе. зуб даю, они там делают ставки через сколько часов ты впадешь в статус. широкое лицо блестит в темноте как запотевшее стекло в красных огнях машин, девушка чешет его, нервно давит прыщики, оставляя ярко-красные следы. — *а это хорошо* — сказала будто тоже только очнувшись от забытья, — что ты нашлась. вполне может статься, что ты в опасности и сама того не знаешь. как ничего не знаешь про собственные ощущения... но *кое-кто* знает и это, может быть, спасет тебе жизнь. после паузы, собравшись с мыслями: — кто? многозначительно: — есть один человек... — и, поразмыслив, — тебе бы с ним пересечься. но это не так просто как кажется, сейчас все службы на рогах, протечка информации, слыхала о квисе шхоре? конечно слыхала. прошла инфа что эти безумицы готовят теракт. да-да, теракт в старом стиле и прямо здесь — *в климате*. так что без головного убора по отелю не проходишь. ну ничего, ты, кажется, везучая девчонка. она затаивается, тяжело выдыхает дым и замирает, видимо забыв о медленно бегущем к ее пальцам угольке. она закашлялась и заговорила будто с того места, где прервалась: — откуда протечка и как это связано? озлобленно: я тебе не информатор. *смягчившись*: однако! они взяли одну еврейку на медленном леденце. она и заговорила. только ничего не понятно, разумеется! ты же понимаешь, у квисы шхоры серьезные меры предосторожности, как у тайного общества, ну ты знаешь все эти штучки с еврейскими религиозными бандами, будто все они связаны с кровью младенцев-иноплеменников и книгами с кучей жутких схем! — искажения в ее речи недвусмысленно намекают, что можно разжиться парой дорожек, но на выходе это чревато. кожа на ее груди бродит красными пятнами, вся в мелких мурашках, лоснится, блестя выступившим потом. видно, с какой скоростью, с какой частотой она вздымается и с той же скоростью расплзаются по ней пятна.

ротоаппарат стал трубой, очерченной и протекшей, тающей как масло под раскаленным солнцем — так действует амфетамин: он распыляет с двух сторон, раскаляет и спрессовывает желания ядовитой таблеткой на языке. ротоаппарат стал трубой, превратился в

кувшин, пьет из кувшина. тот кто хочет стать кувшином, будет пить из него. таково первое правило ощущения и сейчас уже могла не слушать возбуждающую трубку на той стороне, чтобы ощутить ее скользкие потоки, причины и того о ком она гудела. голос словно эхо повторяется разносясь в обескрайненном просторе головы, откуда-то разродившемся, изготовившись порождать чудовище за чудовищем, как сон сны. не вынести этого стусившегося волнения, — или расщепления, — стекла распадающегося непрерывно на тончайшие иглы проваливающиеся в нервную систему, этого мучительного упоения, вызванного чрезмерным напряжением восприятия, электричества выделяемого непрерывающимся потоком ее голоса, проходящим сквозь волосы и передающим двойник их цепкости в мозг. — где это? — в мире трав. — смотрит серьезно, с неуловимой улыбкой, покачиваясь на зеленых волнах — вокруг шумит и дышит поле высоких бледных ростков, состоящих из огромных видимых глазу клеток обтянутых мембраной. и само ее — сидящей напротив, — тело состоит из этих трав, как проекция их сплетений, голограмма или призрак их духовной жизни — цветения. волны покрывают его одна за другой, части одной волны. — где это? — в центре пустой глыбы! — уже не смеется, а просто продолжает говорить, будто и не прерывалась. зеленые пятнышки стали коричневыми и осели под тонкой кожей рыжеватого лица девушки, перестав быть трехмерным растительным узором. все снова прояснилось, но ясность в сравнении с волнами находившем помрачением была больше похожа на сумрак

я как будто наполовину оглушена.

тебе жизненно необходимо повидаться с клеменком. — кто он? — не он. и не она. по отношению к клеменку неприменимо половое различие. клеменок — это просто случайность. что стоит за всеми этими несчастными случаями, поломками, авариями, выбросами радиации, терактами? в последнее время их не слишком ли много? нет больше места консьюмеристской досаде обывалы увидевшего обгоревший труп выпавший из развалившегося небоскреба — теперь каждый в этом небоскребе по вине неотложной случайности. неотложной, скопившейся в костях, как ртуть. случайность угрожает всей структуре: окружающая среда, то что раньше называлось природой, ты слыхала что океан оказался пуст? словно пустая консервная банка рыбу из которой мы всю сожрали или утопили в мазуте. финансовая система скоро рухнет и никто иной как ты станешь тому причиной! определение мира собирается из сбоев, он определяется прямо сейчас, вот уже бесчисленное количество лет, но скоро он наконец будет определен.

хочешь попасть в определение? считай что у всего мира скоро случится статус. может поэтому статус не накрывает тебя, чтобы вы с миром схлопнулись в экстазе определения?!

(в нее вторглась сонная нефть, как в серую лагуну раскаленную движением лопнувшего танкера: таковы ее глаза;)

совпадают ли желания комитета с желаниями менеджмента? видимо ты ума не приложишь почему эти барыни толстозадые так влияли на твой эмоциональный фон во время собеседования, будто тебя электротоком пытали? они не женщины, не человеческие существа, уже давно, детка, — это менады, киборгицы. и вот это совпадает с желаниями менеджмента — комитет его порождение, порождение его канцелярита, его языка! язык просто проявился через них, никто не является носителем. да, язык ужасен, но ты не представляешь насколько.

голоса из-за стены: *держи ноги вместе! и зубы!... и зубы!* что там вообще происходит? сонная эстафета. отвратительное бытие параллелепипедом; сначала лицо кажется нежным, затем замечаешь глаза; молчание и неподвижность могут быть результатом сознательного решения; возможно эта пьеса!; я не понимаю таких вещей, а вы не должны поднимать таких тем с пациентами! ладно, — лицо темнеет, тяжелое дыхание, ладонь падает на лицо, мокрая тряпка. все это уже решено. это внутри меня. я удивляюсь! что не так с ней?! — на улице какой-то шум! — закрывает окно, недовольно, раздраженно, — уже ночь. — помолчал и подумав говорит непохоже на себя, так медленно: — ночь... ужасное непонимание, не правда? — губы ее стали еще пухлее... такие огромные, слп слп плоть, — замерзла в солнечный день. — уже ночь. — повторила. — имеется ввиду... это нормально. да что там за шум все еще?! — грохот, крики, какой-то нездоровый смех, затем сирена и трубы. и трубы. в каком смысле... *долж... позволить* — **ВЫКЛЮЧИ ЭТО ЧЕРТОВО РАДИО** - кому ты кричишь, безумица? *(избавьте от боли! выбросьте это тело! выбросьте его! оно сломано! оно схвачено ошибками, как щипцами посиневший младенец — его голова разбухла и надулась фиалковой кровью, густой как сон под наркозом) взрывы.* взрывы — отойдя от собственного крика, пригладила густые вьющиеся волосы рукой, стряхивая истерический приступ как крошки, дерганно улыбнулась и полезла в шкаф за бутановой зажигалкой и трубкой известного жанра, — хохота из номера сверху (или это завсегдадайки солжариев?). радио было погашено и тут же забыто. улыбается и затягивается. то-то она такая медленная стала. глухой страх

в искрящейся, пылающей и скрежещущей пустоте. — что это за комната? это *твоя* комната? смеется в ответ зло, затем выпускает дым. комната выглядит странно: не просто старое, а *древнее* радио конца прошлого века, телевизор и того старше на вид: чуть ли не того ископаемого вида в который вкручивали лампы. вокруг какие-то горшки с раскидистыми, но низкорослыми цветками, кактусы. пока комната проясняется, и хозяйка становится словно вслед за ней все страннее: — клеменок... это была танцовщица или был танцор, теперь уж не выяснить. шоу клеменка было сверхпопулярно особенно танец *расемон* — в комнате стоит спертая вонь сторевшей фотопленки, мускуса и средства от тараканов. фторид, крахмал по углам. сонные спокойные глаза тихо розовеют в вечернем сумраке, но речь становится все отчетливее и яростнее, будто через трубку в ее тело сочится ангел. — ... любая тварь какую ты могла бы вообразить на отходах!... бессмертная превращается в биологический калейдоскоп, целый цирк уродцев в одном каскадном теле... — в комнате дымно-красные обои, пышное бледно-алое кресло, розовый пуф, зеркала с двух сторон телевизора как триптих — ты же заплатила за вход? разве за вход платить не принято? биологическая цена бессмертия... — зеркала, такое чувство, что от них несет горящим металлом. в этой комнате ее волосы заходят рыжиной, а пятна на лице становятся пунцовыми. — что-то не хорошо. — тебе нужно встретиться с клеменком, чтобы — уф, тошнота — свои ощущения! — ургхху — еще и гандоны с лубянки но пусть импотенты плачут что их оскопил Меркурий! — тошнота — *квиса шхора!*

туалетная комната уходит сама под себя тошнотворным колодцем. сон: *под куполом цирка огромный бассейн или исполинская ванная зрители визжат и аплодируют в экстазе и ликовании их глаза устремлены к я которое засасывает на дно с громовым бульканьем конечно я для этого обучено многие годы в шоу не берут с улицы буль бррллл ооооо ужас* стены и потолок валяются как огромные холсты достаточно легкие чтобы упасть от ветерка из вытяжки во время падения набирают вес с бешеной скоростью фибоначчи так что схлопнувшись они бы расплющили это тело до субатомной плоскости бесконечным давлением набранным в свободном падении по бесконечной кривой но они конечно никогда не достигают цели; унитаза пришвартовывается прямо к горлу становясь частью ротоаппарата когда тот становится трубой всеобщей канализации а она там прямо за дверью привалившись к косяку наговаривает как помешанная: — во время одного шоу конечно был аншлаг полон зал народу клеменок которого тогда конечно звали как-то иначе в красном как капля крови платье на вершине формы говорит после минутной паузы *** прыгает как охувший леопард на софит и срывает его грохот в зале

гробовая тишина напряжение освещает сцену как прожектор источающий чистое электричество и клим бросает стальную балду оставшуюся у него в руке от разлетевшегося на куски софита бросает прямо в зал и шибает какую-то сучку несчастную прямо в лоб ну и этой пизде крышка визги крики все в ошарашенности и ужасе наблюдают зачарованно как *я уходит на дно закручивается в бешеном водовороте приближаясь к сливу и — последний долгий прощальный взгляд на публику — чпок! его уже нет с нами публика разрывается снарядом осколки засыпают слив* — слабым голосом из глухой и мрачной глубины унитаза: — да ты просто ревнуешь! грххх! — нет, послушай, когда вы встретитесь, ты не почувствуешь ничего кроме безразличия... — и, судя по звуку скатившись спиной по двери: — никогда не думала о его теле, потому что его как бы не было. понятно какие это были детские глупости, не говори какая наивность, ясно как белый день, прошила возможность быть избранницей как ты, теперь уже поздняк метаться, в какую нору не заглянешь всюду заброшенность, только запах уксуса с губ, да вонь разложения... гадкое, гадкое... думаешь был выбор? оказаться запертой в этом теле, разлагающем и разлагающемся, желающем и обманутым, тебе не понять, скоро ты будешь свободна от него, ты всегда была свободна от него! — туалетная комната погружается в глубокий и тяжкий красный цвет, рвотные позывы одурманивают проход пищевода, застилая его липким туманом, не давая пищи опростать неугомонный голод очищения, отсековнения. — думаешь это тело хотело принести себя в жертву какой-то трансцендентной сущности с которой никогда не соприкоснется потому что являет собой само ее отрицание?! да, спору нет, оно хотело принести себя в жертву, ведь оно хочет! оно хочет! хотеть — значит желать невозможного. любить — значит избрать бога. они назначили этому телу номер 144 и имя кадам, они обещали сад там, где закончится тело которое, так они говорили, тоже сад!... теперь ты знаешь все!... перестань рыгать, когда тебе говорят! уйми свое тупорылое тело!

брл-о-бултых — шароподобный розовый сгусток наконец вываливается из глотки. оглушительный водопадный рев спускающейся воды, так что кажется где-то в его пещеристом теле потерян писк агонии какой-то мелкой незаметной неважной твари. щелк — дверь легко открывается, не с той опустошающей легкостью позволявшей стенам и потолку неукротимо наливать абсолютной тяжестью, а с совершенно новой освобожденной легкостью чода. — еще немного времени, хорошо? — жесткое худое бесполое освобожденное от стонаний роста лицо с одной стороны дверного проема и широкое высокое зардевшееся с сияющими глазами-щелочками над вздыбленными красными скулами с другой: — у тебя нет выбора.

— почти улыбнулась, — ты просто цветок в саду, цветок который скоро распустится вместе со всеми. — щелк. склонилась над ванной смыть с лица следы рвоты — розовые пятнышки в уголках губ и чуть выше, — пустила воду и маленький красный паучок закружился в водяных вихрях к чернеющему пятну слива. перекрыла воду и поймала в волнах ускользящую красную точку на кончик пальца, подняла к лицу и согрела горячим дыханием из широко раскрытого рта: паучок сладко съежился. посадила его на край ванной. дождавшись, когда оправившись он забежал за край, снова пустила воду и обдала ей, ледяной, освежающей, утомившееся лицо. разве не удивительно, разве не абсурдно? гибель какой-то мелкой, незаметной, неважной твари отложена рукой исполина едва ее и заметившего! отложена из жалости к тому, чего ему никогда не понять, ни за что не поставить себя на его место и все равно — жалко! абсурдно, но вот же происходит: вот он этот исполин чуть не убивший неясный клочок живого, но уберегший его от своего разрушительного существования, и вот эта тварь, точнее была где-то здесь. щелк.

где-то в голове рождается воспоминание (рождается без мук, как скользкое морское животное, торпедообразное, или как цветок из почки, усложняясь без усилия): *это тело* и *это сознание* еще совсем не похожие на себя нынешних, среди травы, которая высоко над глазами. они прячутся от других тел рыскающих *по территории*, высматривающих его, тел-воспитателей, опасных сознаний бродящих словно игла в подушке. оно глядит через щель под оградой и видит цветы растущие там. какого они цвета? воспоминание отказывается окрашивать их, но они анти-красные. они никакого цвета, скорее прозрачные. это тело протискивается под оградой, так тянут его прозрачные лепестки. они высовываются из другого мира, достичь их — значит перейти всякую границу, сорвать их — значит навсегда стать чем-то другим. кажется оно целую вечность собирало цветы за оградой (пока не начало темнеть), а потом еще дольше стыдилось вернуться [другим]. когда оно все же вернулось — вот жгучее разочарование! — никто, оказалось, не заметил даже отсутствия, не то что подмены. щелк.

она стоит и ждет за дверью. но будто схватив глупость положения порывисто возвращается в комнату и бросает себя в кресло. но мгновение ее ожидающего лица осталось здесь как фотоснимок: расширенные поры, градинки пота выпавшие над верхней губой и на лбу, глаза, мутные, как у свидетельницы, заплывшие, как у блаженной, губы... ее губы, нежные, белесо-розовые, голые, как дождевые черви ползают по плитке которой услан порожек перед туалетной комнатой, извиваются,

лоскутки желания, плюхаются с порога на кафель и распрямляются, поджимаются как перед оргазмом. влага. им так необходима влага: иссыхая, они тянут уголки в сторону расплескавшейся подле ванной воды. дверь распаивается — и вот они уже вновь на ее лице, пересохшие. кусает их яростно, наказывая за неверность и, главное, за subtilность. за то, что они не могут без воды, что они — водопийцы. — пора — проговаривает неистово. ей нужна строгость чтобы побороть чувство вины перед тем, что она отвлекает *это сознание* от его свободы... и, что еще важнее, — побороть свою униженность перед этой свободой. тогда услышала вибрацию вертолетов в непосредственной близости где-то наверху. протянула лицо к лицу и губы схватились обдав друг друга влагой. соль. телевизор

в комнате кладет мертвый канал поверх заправленной постели, будто греет ее. ласкает своими цифрами. крепко сжимает ладонь: — пора! — все так же, даже еще более неистово. открывает стену: дверь спрятанная в стене распаивается выпускает струи пыли и следующий номер, такой же пустой, с тем же набором старых странных вещей, но в голубых тонах: номер за номером, меняя только цвет, без каких-либо жильцов, как увязшие в пуповине калейдоскопа: так работает забавная мысль, *предупреждали!* — *они стали такими когда стали заниматься этой работой;* густая кожа поврежденная угроза здесь уже кровати усыпаны стеклом грязные подушки на них головы воняет густая пыль стоит стеной проникая которую номер за номером сияющие пятна вместо окон гул за гулом вертолетов ладонь выпускает пот как мембрану скрадывающую одну от другой — это конечно ужасно глупо любить такого человека который прекрасен сияет своей прекрасностью распространяет ее вокруг себя но ему ведь в самом деле срать на других на всех окружающих не потому что он черствый нет конечно он не какой-нибудь мудака рок-звезда идол ни в коей мере он соткан из любви но он он он не замечает не видит для него него все поток единый поток единообразный поток любви сознания всеобщей харизмы поврежденный жаждущий освобождения весь одинаково как кожа ты знаешь так сказал нет нет нет ничего глубже так он сказал глубокая кожа так назывался кружок центр атлетизма в котором все началось еще до того как стала понятна связь до текстов когда мы еще не заметили что всех собравшихся там объединяло что все были евреями что все в той или иной мере уже тогда изучали язык уже тогда были знакомы с текстами только тогда не знала язык они нашли еврейские корни они присвоили к их движению они сказали сад сад они обещали сад

сад это пустое место

БРРРРАММММБССС-ВООУУУУУУШШШШШХХХХХхххх-сссссссссссс-
кочки пепла расплетаются в воздухе перед остекленевшими глазами сада.
о, *сладость утерянная*

этот вкус

ничто не сменит

этот вкус

сссссс-.....

сквозь завесу дыма и блестящей как блестки на пепельной щеке девочки пыли различила дверь и что-то подсказывало, что она последняя. свет. свет прикасается ко всему живому. губительно. *открой меня* приказывала дверь, которой еще не было видно в стене. она приказывала в голове. и в голове ее не было видно. но в голове было знание, что она есть, последняя. руки открыли ее без помощи головы. пыль взметнулась несколькими вихрями. за дверью свет. струилась иллюминация: оранжевый, голубой, зеленый, желтый: они кружились бесконечными свастиками, усложняющимися без усилия. в центре [когда глаза привыкли к фрактальной ряби усложнения стала различима] фигура: глаза опущены вниз на пяти лицах, руки распространены как золотое сияние вокруг тела, на плечах распускаются широкие бутоны мерцая обращаются разлагающимися собаками и снова бутоны: мокрая шерсть комкаясь становится лепестками. — ситуация не стабильна? слишком поспешно. — ухмылка-мертвая петля — наша сеть безопасна. защищена от проникновения. но тогда почему видно то, чего еще не случилось? теперь об этом можно услышать, увидеть по ти-ви. один вопрос: сколько лет прошло в этой голове? сколько? неизвестно. слишком много, чтобы обозреть. и все же обозримо. вторжение началось. но куда оно вторгается? — сквозь льющийся узор проступает *комната* — и это ничто иное как центр атлетизма спрятаный в глубине скрытых ходов климата. блестящие золотом и лазурью экраны Меркурия покрытые питательной пылью, они так привлекательны. — службы скоро объявятся здесь, в этой комнате. самое время вернуться. — одна из золотых рук тянется к экрану — ощущение которое нашло *это сознание* больше себя — ощущение бессмертия. они хотели бы забрать его, потому что боятся, но не могут понять, что *в самом деле* ощущение не передается, пусть и покупается

моторы, всполохи, переплетаются. разум спускается в усилие как в сон. попытайся расслабиться. червь распадается на две части,

затем те еще на две. и у каждой вся память целого. что это за наблюдатель стоит здесь под ветром, когда никакого ветра здесь нет. как он может стоять?! впереди не было никакого впереди и находилось также отсутствие времени, а еще — ненаходимость. ничто больше нельзя сделать в отсутствии времени, которое только и...